

КОММЕНТАРИЙ: ПРЕЗИДЕНТ-СЧАСТЛИВЧИК

Михаил Саакашвили успешно преодолевает тернии на своем пути к звездам. Во всяком случае, пока.

36-летний президент Грузии Михаил Саакашвили убежден: новейшая политическая история его страны началась осенью 1995-го года, когда он впервые прошел в парламент по спискам правящей партии Союз граждан Грузии (СГГ). Похоже, также, что и все, происходившее в Грузии в дальнейшем, ассоциируется у него лишь с собственными замыслами и действиями, спустя восемь лет приведшими его во главу государства. Совокупность его шагов свидетельствует, что предпринял их человек не только способный, энергичный и целеустремленный, но и (пока, во всяком случае) чрезвычайно удачливый.

В парламенте созыва 95-го года Саакашвили поначалу возглавляет парламентский комитет по конституционным, юридическим вопросам и законности. В числе прочего он инициирует судебную реформу, и в свои молодые годы обретает почетное звание «отца» этой реформы. Вместе с лидером т.н. «младореформаторского» крыла СГГ, тогдашним спикером парламента Зурабом Жвания, Саакашвили быстро становится одной из самых многообещающих фигур грузинской политики. В 1998-99 годах он руководит парламентской фракцией СГГ, удивительным образом сохраняя за собой неформальный статус эдакого «свободного художника» – ему дозволено безнаказанно критиковать всех и вся, включая коллег по фракции, а порой – даже высшее руководство страны.

Где-то в середине 98-го, однако, процесс реформ оказывается в тупике: ретроградское большинство СГГ пришло к выводу, что игры в демократию и либерализм заходят в Грузии слишком далеко. Да и принятые парламентом либеральные законы в большинстве своем остаются незадействованными, ибо насквозь коррумпированная власть руководствуется лишь собственной выгодой, но отнюдь не законами. Саакашвили становится ясно, что в сложившихся условиях дальнейшая парламентская деятельность не имеет для него перспективы, и в 2000 году добивается от президента Эдуарда Шеварднадзе назначения на пост министра юстиции.

Свершается чудо: третьестепенное в грузинских условиях министерство, не представлявшее интереса для общества, становится под его руководством главным возмутителем спокойствия. Саакашвили кардинально изменяет не только его внешний вид (на фасаде вывешивается знамя Евросоюза, у входа появляются стражники в причудливом одеянии), но и образ действий. Регулярные брифинги министра, обличающие неисчислимы пороки властной пирамиды, дают журналистам обильную пищу для материалов, а одно из выступлений Саакашвили на заседании правительства, когда он открыто обвинил своих коллег-министров в коррупции, до сих пор помнят в Грузии буквально все.

Впрочем, покровительствуемые Шеварднадзе министры благополучно пропускают обвинения мимо ушей, и спустя неполный год Саакашвили подает в отставку, баллотируется в парламент на освободившееся место по одному из столичных округов, и возвращается в парламент осенью 2001-го в качестве непримиримого оппозиционера Шеварднадзе.

К этому времени авторитет последнего уже настолько подорван, что даже покорное ему парламентское большинство СГГ начинает трещать по швам. Именно на этом вираже Саакашвили вчистую обходит своего более осторожного партнера-конкурента Жвания, и начинает фиксировать себя в качестве основного претендента на пост президента страны к надвигающемуся постшеварднадзевскому периоду.

Приоритеты он вновь выстраивает в соответствии с возможностями и задачами. К муниципальным выборам в июне 2002 г. его новообразованное Национальное движение за демократические реформы концентрирует свои усилия на столице.

Результаты выборов для многих оказываются ошеломляющими: шеваднадзевский СГГ не преодолевает в Тбилиси 4%-й избирательный барьер и оказывается без представительства в столичной легислатуре, а блок Саакашвили вместе с теми, кто начинает понимать, на кого работает время, создает большинство в тбилисском городском Собрании.

Саакашвили становится председателем Собрания и вновь, как в бытность министром юстиции, комбинирует виртуальные методы с реальными действиями: над зданием тбилисского муниципалитета водружается знамя Национального движения (ставшее впоследствии новым государственным флагом Грузии), что символизирует возникновение в стране оазиса альтернативной власти; объявляется крестовый поход против коррупции.

Нацеленный на будущую президентскую кампанию, Саакашвили начинает расширять свой электорат за счет люмпенизированного избирателя, мечтающего о возвращении бесплатного образования и медицинского обслуживания, гарантирующих выживание пенсий и зарплат, прочих «бесплатных» благ.

И вот уже тбилисские пенсионеры получают пусть и символическую, но все же прибавку к пенсии из местного бюджета, городские власти ремонтируют крыши и лифты, обустривают спортплощадки; соответственно растет и популярность Саакашвили.

Парламентские выборы 2 ноября 2003 года поначалу рассматриваются им как трамплин к намеченным на апрель 2005 года президентским выборам. Саакашвили важно зафиксировать себя в качестве лидера победившего блока, т.е. – претендента №1 на пост президента. Поэтому он разворачивает наступление по всему фронту: возглавляемый им блок ведет агрессивную избирательную кампанию даже в Аджарии (где партия авторитарного правителя автономии Аслана Абашидзе традиционно обеспечивала себе столько голосов, сколько считала нужным) и в регионе Квемо Картли (где то же самое от выборов к выборам делала правящая партия).

Уловив настроения, превалирующие в обществе (которому просто осточертел устаревший, и ни на что уже не способный Шеварднадзе), Саакашвили своей напористостью и бескомпромиссностью отодвигает на задний план команду бывшего (З.Жвания) и действующего (Н.Бурджанадзе) спикеров парламента в ситуации, когда персональный рейтинг последней приблизился было к его собственному. Отодвигает, но сохраняет их в качестве младших партнеров, обещая Бурджанадзе оставить ее после победы на посту спикера, а Жвания – назначить премьер-министром (что и делает, став президентом).

Шеварднадзе еще имел возможность удержаться в кресле президента, если бы официальные результаты выборов были приведены хотя бы в приблизительное соответствие с реальными. Но ни он, ни его окружение, не были адекватными происходящему, и грянувшая на волне сфальсифицированных выборов «революция роз» смела их.

Именно в ходе революции Саакашвили превратился в бесконкурентного общенационального лидера. Харизматический политик, продемонстрировавший незаурядную способность убеждения и мобилизации масс, он проявил также удивительную политическую интуицию, буквально пройдя по лезвию ножа в бурные ноябрьские дни, и ни разу не оступившись. Таким образом, досрочные президентские выборы 4 января и повторные парламентские выборы 28 марта 2004 г. стали, по своей сути, вотумом доверия революционным властям Грузии и их руководителю. Правда, разные новации все же были, из коих можно отметить:

- реальное участие избирателей Аджарии в избрании президента Грузии, что явилось важным шагом на пути их реинтеграции в общенациональные политические процессы;

- видную и значимую роль будущей первой леди Грузии (Сандры Рулофс – голландки по происхождению), которую она сыграла в избирательной кампании – ничего подобного ранее на постсоветском пространстве не бывало.

Вступив в январе в должность президента Грузии, Михаил Саакашвили церемониться ни с кем не стал. На ключевые посты он повсеместно назначил лично преданных ему людей, невзирая на их возраст, опыт, компетенцию. При этом официальная должность (или даже отсутствие таковой) не всегда соответствует реальному влиянию и сфере деятельности президентских фаворитов.

Начинается слияние партийных и государственных структур, стирание границ между законодательной, исполнительной и судебными властями. Еще в феврале через старый и деморализованный состав парламента президент провел конституционные поправки, приспособившие основной закон к его политическому вкусу и планам.

Новый, и в целом пока еще консолидированный состав парламента (хотя за два месяца работы президентское большинство уже покинули несколько видных соратников Саакашвили), закрепляет эту тенденцию на уровне законов, в том числе – конституционного закона о статусе Аджарии, каковой людьми сведущими был расценен не как закон о статусе автономии, а – о прямом президентском правлении.

Некоторые эксперты склонны полагать, что этот закон – отнюдь не временная (после изгнания из Аджарии Абашидзе) модель для Аджарии, а куда более неограниченная во времени модель для всей Грузии. Встреченные обществом с пониманием и одобрением аресты в среде шеварднадзевских олигархов и чиновников высокого ранга (большинство из них были освобождены из-под стражи после возмещения нанесенного казне ущерба), отнюдь не всегда сопровождались неуклонным соблюдением буквы закона.

Принятие суперлиберального закона о свободе информации и выражения не сняло обеспокоенности тех, кто считает, что свободное и независимое медиа-пространство в постреволюционный период сжимается. Впрочем, как и влияние неправительственных организаций, чей голос был начисто проигнорирован при внесении поправок в конституцию и принятии закона о статусе Аджарии. Прошедшие же в автономии 20 июня выборы в местный парламента отнюдь не добавили оптимизма в плане демократичности и плюралистичности намерений новых властей, став, по существу, римэйком выборов «а-ля Шеварднадзе».

Но подобные «пустяки» Саакашвили и его команду беспокоят мало. Ему – человеку, ежедневно и сверххрепно следящему за тем, как и в какую сторону изменяется его персональный рейтинг, нужен успех. Успех, к которому он привык, и которого умеет добиваться. Такой, например, какого он достиг в мае в Аджарской автономии, когда неуклонно нараставшим политическим и физическим давлением извне, и активной поддержкой многочисленных недовольных внутри, он выдавил оттуда вконец потерявшего голову деспота Абашидзе.

Почва для очередного успеха подготавливается сейчас и в отколовшейся от Грузии еще в начале 90-х Южной Осетии, где, наряду с примененными в Аджарии технологиями по выбиванию почвы из-под местных властей, осетинское население предметно убеждает в перспективности возвращения в новую Грузию.

Саакашвили знает, как вывести противника из себя, и заставить его допустить ошибки. Он знает, как преподнести себя американцам, европейцам и русским. Он знает, как поддерживать внимание и любовь населения. Он знает, как повести народ в светлое будущее, если этот самый народ зашагает за ним стройными рядами, и не будет ему докучать собственными мыслями и альтернативными соображениями. Единственное, чего он не знает, это – где его подстерегает неудача. А Грузия, равно как ее союзники и партнеры, не знает, чем ей грозит первая же неудача Саакашвили.

Ивлиан Хаиндрава, директор программы Южнокавказские исследования Центра развития и сотрудничества-Центра плюрализма, Тбилиси

Focus: Кавказ

Source URL: <https://iwpr.net/ru/global-voices/kommentariy-prezident-schastlivchik>